

Юн Ци не знал, какие мысли таились в голове у Юн Шаня.

Однако даже сам юноша не совсем понимал, что испытывает по отношению к младшему брату, отчего неотвратимо начинал презирать себя.

Какие же всё-таки мысли скрывались у Юн Шаня в голове?

Юн Ци стиснул ткань запахнутого на груди верхнего платья, словно желая вынуть собственное сердце и заглянуть в него. Юноша хотел прочесть, что же всё-таки написано на его мятежной душе, чтобы развеять туманную дымку, которая застилала ему взор и сбивала с толку.

Однако кончики пальцев, что стискивали сквозь одежду грудь, внезапно вызвали совершенно иные мысли и воспоминания. Юн Ци неожиданно вспомнил прикосновения пальцев Юн Шаня, блуждающих по его телу, словно юноша заявлял о своих правах. Эти касания не позволяли сопротивляться, заставляя сердце непристойно трепетать в охваченной жаром груди.

Подобная мысль, возникшая лишь наедине с собой, являлась низким грехом!

Юн Ци густо покраснел.

Юноша услышал звук открывающейся двери и, словно боясь, что кто-то узнает о его постыдных желаниях, внезапно сел в постели и настороженно посмотрел на дверь.

— Юн Линь? — Увидев лицо незваного гостя, Юн Ци расслабился. — Почему ты здесь?

Юн Линь закрыл дверь и повернулся к старшему брату, храня странное молчание.

Юноша с сомнением и удивительно редкой серьёзностью в чёрных, словно смоль, глазах осмотрел Юн Ци с головы до ног. При этом он так и не проронил ни слова.

Юн Ци, сидевший в постели лишь в тонком лёгком платье, крепко схватился за ватное одеяло и натянул его до самых плеч. Юноша опустил голову и, ища взглядом сброшенное верхнее платье, заговорил, обращаясь к Юн Линю:

— Ты ищешь Юн Шаня? Он отправился во дворец к отцу-императору, чтобы справиться о его здоровье. Я тоже хотел пойти, но, поскольку мне было велено поразмышлять о собственных поступках, сидеть во дворце и не выходить на улицу, мне ничего другого не оставалось, как попросить Юн Шаня от моего имени узнать о здоровье отца-императора. Надеюсь, почтенный родитель уже в добром здрав...

— Рана старшего брата уже зажила? — грубо прервал брата Юн Линь.

Юн Ци с изумлением поднял голову:

— Какая рана? Ах, ты говоришь про рану на шее? Зажила. К счастью, её быстро удалось вылечить чудодейственным лекарством, что изготавливают придворные лекари.

Юн Линь подошёл ближе, встал одним коленом на кровать и обратился к Юн Ци, нависая над ним:

— Дай мне посмотреть.

— На что посмотреть?

— Я хочу посмотреть!

Юн Линь продемонстрировал свой строптивый характер. Юн Ци, увидев это, ничего не смог поделать перед любимым младшим братом и лишь покорно поднял лицо вверх, обнажая шрам на шее:

— Видишь? Там только остался маленький шрам.

— А это что? — Юн Линь коснулся пальцем надключичной ямки и изменившимся тоном спросил: — Кто это сделал?

Юн Ци крайне изумился.

Юноша спешно опустил голову, но физически так и не смог увидеть то, что имел в виду Юн Линь.

Судя по голосу младшего брата, Юн Ци уже догадался, что он там обнаружил. Эти отметины были по всему телу, и никто не мог их видеть, так как Юн Ци облачался в верхнее платье. Однако, как назло, юноше захотелось прилечь, и верхнюю одежду пришлось снять. А Юн Шань, перед тем как уйти, чтобы старшему брату было комфортнее спать, немного расстегнул воротник его белого нижнего платья, сказав, что так кровь будет лучше бежать по венам и он согреется.

Из-за этого полуобнажённого плеча у Юн Линя неожиданно возникли подозрения.

— Пустяки, я даже не помню, когда поставил её себе.

Юн Ци опрометью схватился за воротник, желая завязать его.

— Поставил? Я не верю! — Юн Линь изменился в лице, но, увидев, что хочет сделать Юн Ци, ещё более укрепился в своих подозрениях. Юноша принял эту отметину именно за то, что подумал, и одной рукой схватил старшего брата за запястье, а второй за ткань, желая сразу же разорвать одежду на теле Юн Ци.

— Юн Линь, что ты делаешь? Отпусти!

— Не отпущу! Я хочу как следует рассмотреть!

Ха! Белое шёлковое платье почти распахнулось под натиском Юн Линя, создавая лишь небольшую прореху в середине.

Ткань соскользнула с плеча, обнажая большую часть груди, на которой везде красовались следы от укусов и засосы.

Юн Линь, который до этого вlepил двум слугам пощёчины, внезапно застыл. Неожиданно и крепко схватив Юн Ци за плечи, юноша отчаянно тряхнул старшего брата, резко спрашивая:

— Кто это сделал? Это сделал старший брат Юн Шань? Верно?

— Юн Линь, отпусти и не стоит спрашивать...

— Я назло спрашиваю! Назло спрашиваю! — выкрикнул Юн Линь, обращаясь к Юн Ци. — Отметины на твоём теле сделаны старшим братом Юн Шанем, верно? Скажи! Старший брат, скорее скажи! Скорее скажи!

От крика Юн Линя даже кровля задрожала.

Чан Дэфу чувствовал неладное. Он встал за дверью, боясь покинуть свой пост. Услышав в комнате крики, слуга не находил себе места.

Юн Линь был младшим близнецом Юн Шаня, и, несмотря на то, что юноша всегда озорничал, тем не менее наложница Шу и Юн Шань всеми силами защищали маленького коршуна, всегда потворствуя с чрезмерной любовью. Однако перед тем, как войти в комнату Юн Ци, Юн Линь со злостью предупредил слуг, запретив им входить.

Вызвать недовольство Юн Линя всё равно, что вызвать недовольство не только наложницы Шу, но и, по всей вероятности, наследного принца. Если он, Чан Дэфу, обидит Его Высочество, то тогда не сможет работать даже за кусок хлеба.

Однако Юн Ци, на которого сейчас кричал Юн Линь, также являлся светом жизни Юн Шаня.

Чан Дэфу слышал, как Юн Линь рычит в комнате, выкрикивая слова, которые касались только Его Высочества Юн Ци и Его Высочества Юн Шаня, однако самому слуге вмешиваться — это всё равно, что мотыльку лететь на огонь.

Но если и не вмешаться, то Юн Ци может пострадать, и тогда исчезнут благополучие и счастье.

И, как назло, наследного принца не было рядом.

Словно муравей, попавший на горячую сковороду, взволнованный Чан Дэфу немного поразмыслил и в итоге, стиснув зубы, вошёл в комнату. Слуга взял руку Юн Линя и проговорил:

— Ваше Высочество, говорите спокойно, ведь как-никак вы же братья.

Чан Дэфу слегка придерживал руку юноши и уговаривал того успокоиться. Нечаянно слуга посмотрел на Юн Ци, у которого из-под распахнутой одежды виднелись засосы как доказательства совершённого греха.

Плохо дело! То, что никто не должен был видеть, вопреки всему всё же раскрылось!

Чан Дэфу спешно отвёл взгляд и, глядя себе под ноги, по-прежнему тянул Юн Линя за руку:

— Вы братья и должны решать проблемы мирной беседой. Ваше Высочество, не нужно тревожить Его Высочество Юн Ци, и он сразу поправится. Его Высочество наследный принц велел...

— Проваливай! Проваливай, лживый кот, оплакивающий мышь [1]! — Юн Линь был сильнее, тем более сейчас, когда он впал в ярость. Махнув рукой, юноша отшвырнул Чан Дэфу к двери: — Не нужно считать меня идиотом! Ты управляющий во дворце наследного принца и наверняка причастен к этому делу! Мой старший брат Юн Ци хоть и опальный принц, но он по-прежнему является сыном императора, а вы посмели вступить в сговор с новым наследным принцем, чтобы порочить его? погоди! Рано или поздно я узнаю, что случилось во Дворце Наказаний, и тогда увидишь, как я сведу с вами счёты!

Юноша хотел подскочить к Чан Дэфу и избить того ногами, но, вспомнив, что в комнате есть ещё и Юн Ци, не посмел этого сделать. Не обращая внимания на слугу, Юн Линь отвернулся, взобрался на кровать, где по-прежнему сидел сжавшийся Юн Ци, грубо схватил его и бросил в спешке:

— Когда старший брат неожиданно столкнулся с таким отношением, почему сразу не сказал мне? Старший брат напрасно подозревает меня. Я и он хоть и являемся близнецами, но всё равно я не осмелюсь поступать так, как он поступил с тобой. Если бы старший брат раньше

сказал мне об этом, то до этого бы не дошло...

Юн Ци от стыда не находил себе места. Ему было до того неловко, что он не мог ни вздохнуть, ни посмотреть в глаза младшему брату.

Увидев, что Юн Ци постоянно прячет взгляд, Юн Линь тотчас же раскаялся, сменил тон и утешающе проговорил:

— Я плохой, так как вовремя не вмешался в дело старшего брата. Не защитил любимого старшего брата. Я бестолковый! В прошлый раз увидев, как старший брат Юн Шань взял клеймо во Дворце Наказаний и обжёг старшего брата Юн Ци, у меня сразу должны были возникнуть подозрения. Я сволочь!

Подняв руку, юноша неожиданно влепил себе звонкую пощёчину.

— Мой бедный старший брат всё это время страдал, а я, негодяй, не знал, что старший брат был опорочен, не знал, что на его теле столько следов. Я вёл себя безрассудно, предлагая выпить вина вместе...

— Не... не говори!

— Хорошо, не буду. Старший брат, не бойся, я сию же минуту заберу тебя отсюда и увезу к матушке во дворец, где каждый день буду заботиться и смотреть, чтобы никто и пальцем не коснулся твоих волос.

— Я не пойду! Иди один!

Юн Линь остолбенел и, открыв рот, спросил:

— Почему не пойдёшь? Неужели их слова правда, и старшему брату так понравился наследный принц, что он сам бросился к нему в объятия?

Юн Ци, едва теряя сознание, осипшим голосом спросил:

— Ты... что ты такое говоришь?

— Я не прав, я не прав. — Юн Линь сразу же смягчился и взволнованно проговорил: — Я знаю, что старший брат не такой, старший брат просто боится его. Я знаю, что если старший брат Юн Шань чего-то захотел, то он обязательно это получит. Он наверняка мучил тебя во Дворце Наказаний! Старший брат, скорее пойдём со мной, но если ты всё же боишься, то тогда я скажу матушке, и она накажет его. Нет! Я скажу отцу-императору! Пускай отец-император позволит старшему брату восстановить справедливость! У него нет ни стыда ни совести, я

презираю его! Старший брат, идём со мной!

— Я никуда не пойду!

— Нет, тебе обязательно нужно пойти!

Юн Ци отчаянно вырывался, уклоняясь от Юн Линя, который упрямо хотел вытащить юношу из кровати, но при этом боялся наставить ещё больше синяков ему, старшему брату.

Пока братья спорили и боролись, Чан Дэфу вновь без оглядки бросился к Юн Линю, хватая того за талию. Однако, подвергшись сильному удару со стороны Юн Линя, слуга рухнул на землю, почти теряя сознание.

Стоявшие снаружи слуги, которым Юн Линь сделал предупреждение, услышав шум, не осмелились самовольно войти в комнату.

Являясь управляющим дворца наследного принца, Чан Дэфу в это время должен был громко позвать на помощь.

Однако сейчас Юн Линь был вместе с Юн Ци, и их ни в коем случае нельзя было оскорблять. К тому же сладостный, словно мускус, Юн Ци сейчас был полуобнажён, и если кто-то вошёл бы в комнату, то грязные тайны невозможно было бы скрыть.

Ревность [2] наследного принца — пустяк, однако если ранимого Юн Ци доведут до самоубийства, то в свою очередь его, Чан Дэфу, захоронят вместе с умершим.

Чан Дэфу хотел плакать, но не мог выдавить ни слезинки. Не подзывая никого, мужчина вновь поднялся. Боясь, что в конечном итоге он может умереть от рук Юн Линя, слуга сейчас хотел лишь позвать на помощь Его Высочество наследного принца.

Так как решать это дело без наследника престола никак нельзя, Чан Дэфу, невзирая ни на что, должен хоть в лепёшку разбиться, но подняться и немедленно отправиться во дворец императора, чтобы как можно скорее найти Юн Шаня.

Как раз в эту самую минуту закрытый паланкин Юн Шаня внесли во дворец наследного принца.

Сегодня наследник престола отправился в императорский дворец, чтобы справиться о здоровье отца-императора, но ему вновь не дали пройти в опочивальню Его Величества, сказав, что больному правителю требуется покой, и все встречи отменены. Его не только не приняли, но на этот раз даже не позволили ждать возле опочивальни. Придворный евнух вышел из покоев и передал слова Огненного императора Янь-ди:

— Император велел наследному принцу не стоять под открытым небом, а скорее возвращаться к себе во дворец. Если наследный принц продолжит стоять на ветру и не побережёт тело, что дали ему отец и мать, то он непочтительно отнесётся к своим родителям.

Услышав эти слова, Юн Шань почувствовал тяжесть на сердце и вспомнил случившееся накануне. Вероятно, ситуация стала ещё серьёзнее.

Кто знает, может, после сильного снегопада раскат грома будет более радушным?

Если он, наследный принц, чья власть проистекает от отца-императора, попал в немилость, то невозможно представить, какими будут последствия.

С тяжёлыми мыслями юноша только вышел из паланкина, как тотчас же столкнулся с Чан Дэфу, который, задыхаясь, пролепетал:

— Ваше Высочество! Ваше Высочество! Беда! Его Высочество Юн Линь, он... он и Его Высочество Юн Ци... они...

Слуги, что стояли сзади, не могли подобрать подходящих слов, они лишь беспомощно и взволнованно смотрели на Чан Дэфу и дрожащими руками отчаянно указывали на дворцовые покои.

Юн Шаня внезапно охватил страх.

Он отреагировал удивительно быстро и, отбросив лишние вопросы к Чан Дэфу, словно разъярённый тигр, одним рывком ворвался во дворец.

Ещё не успев перешагнуть порог, Юн Шань услышал яростный рёв Юн Линя и осипший от слёз голос Юн Ци:

— Ты пойдёшь со мной! Пойдёшь!

— Отпусти меня! Юн Линь, не тащи меня! Я умоляю...

Гнев охватил разум Юн Шаня. Он с силой распахнул дверь и громко прорычал:

— Юн Линь, что ты делаешь? — Взгляд наследного принца тотчас же упал на кровать.

Юн Ци сидел полубожажённый, так как верх одежды был порван, и дрожал. На его теле виднелись ошеломительные красно-синие отметины, а на запястье, что недавно сжимал Юн Линь, уже проступали тёмные следы от его пальцев. От увиденного в глазах Юн Шаня

появилось желание растерзать.

Примечания:

[1] Образно «выражать притворное сочувствие».

[2] В оригинале используется выражение «выпить уксус», т.е. ревновать.

<http://bllate.org/book/13372/1189591>